

Г. Мухатаева* , Р. Сарсембаев

Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан

*e-mail: gmukhataeva@inbox.ru

РАДИКАЛИЗАЦИЯ ЖЕНЩИН: КАЗАХСТАНСКИЙ КЕЙС

Данное исследование направлено на то, чтобы понять процесс радикализации казахстанских женщин, находившихся в зоне вооруженного конфликта в Сирии и Ираке. Ранее в академических кругах основное внимание уделялось радикализации мужчин-боевиков, и исследований процесса радикализации женщин не проводилось; представлялась лишь общая картина экстремизма в сознании женщин из-за отсутствия прямого доступа исследователей к самим женщинам. После поражения террористической организации «Исламское государство» многие страны начали возвращать своих граждан, в частности, женщин и детей. Это привело к росту научного интереса к теме радикализации женщин. Ранее основное внимание в академических кругах было посвящено экстремизации сознания мужчин-боевиков. Гораздо меньше написано о женской деструктивности. Наше исследование призвано восполнить этот пробел. В статье представлены результаты глубинного интервью с практиками первой линии и репатриантками. Проведены глубинные интервью с женщинами-репатриантками и экспертные интервью со специалистами-теологами, психологами, а также руководителями и работниками неправительственных организаций, участвующими в процессе дерадикализации и реинтеграции возвращенных женщин. На основе европейских академических работ и исследования казахстанского опыта радикализации женщин, вернувшихся из зон террористической активности, были описаны индивидуальные и структурные причины радикализации. Концептуальный вклад нашего исследования заключается в определении структурных причин радикализации женщин. Авторы предлагают изменить стратегию дерадикализации, что имеет практическое значение в исследовании.

Ключевые слова: женщины в Исламском государстве, репатриантки из Сирии, радикализация, террористические организации, джихадисты

G. Mukhatayeva*, R. Sarsembayev

Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

*e-mail: gmukhataeva@inbox.ru

The Radicalization of Women: The Kazakhstani Case

This study aims to examine the process of radicalization among women from Kazakhstan who found themselves in the armed conflict areas in Syria and Iraq. Previously, in academic circles, the main attention was paid to the radicalization of male militants, and studies of the process of radicalization of women were not carried out; only a general picture of extremism in the minds of women was presented due to the lack of direct access of researchers to the women themselves. Following the defeat of the terrorist organization the “Islamic State”, several countries commenced repatriation programs of their nationals, particularly women and children. This development prompted increased academic scrutiny of female radicalization, whereas previous studies had primarily focused on the extremist indoctrination of male combatants when the radicalization of women received significantly less attention. Our study attempts to bridge this scholarly gap. This article presents findings from in-depth interviews with front-line practitioners and repatriated women. In-depth interviews were conducted with repatriated women along with expert interviews with professional theologians, psychologists as well as leaders and staff of non-governmental organizations engaged in deradicalization and reintegration initiatives. Building upon European academic literature and analysis of Kazakhstan’s experience with the radicalization of women repatriated from areas of terrorist operations, individual and structural causes of radicalization have been outlined. The conceptual contribution of our study is to identify the structural causes of women’s radicalization. The authors suggest a change in the strategy of de-radicalization, which is practical in the study.

Keywords: Women in the Islamic State, Repatriated Women from Syria, Radicalization, Terrorist Organisations, Jihadists

Г. Мухатаева*, Р. Сарсембаев

Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Алматы, Қазақстан

*e-mail: gmukhataeva@inbox.ru

Әйелдерді радикалдандыру: қазақстандық кейс

Бұл зерттеу Сирия мен Ирактағы қарулы қақтығыс аймағында болған қазақстандық әйелдердің радикалдану үдерісін түсіндіруге бағытталған. Бұрын академиялық ортада басты назар ер жауынгерлердің санасын экстремизациялауға бағытталды да әйелдердің радикалдану үрдісіне арналған зерттеулер болмады, тек әйелдер санасындағы экстремизмінің жалпы көрінісі ұсынылды, бұл зерттеушілердің әйелдердің өздеріне тікелей қол жеткізуінің болмауына байланысты болды. «Ислам мемлекеті» террористік ұйымы жеңілгеннен кейін көптеген елдер өз азаматтарын, атап айтқанда әйелдер мен балаларды қайтара бастады. Бұл әйелдердің радикалдануы тақырыбына ғылыми қызығушылықтың артуына әкелді. Біздің зерттеуіміз бұл олқылықтың орнын толтыруға арналған. Бұл мақалада алдыңғы қатардағы мамандармен және оралмандармен тереңдетілген сұхбаттардың нәтижелері ұсынылған. Оралман әйелдермен тереңдетілген сұхбаттар және теологтармен, психологтармен, сондай-ақ оралған әйелдерді дерадикализациялау және қайта интеграциялаумен айналысатын үкіметтік емес ұйымдардың жетекшілері мен қызметкерлерімен сараптамалық сұхбаттар жүргізілді. Еуропалық академиялық жұмыстар және террористік белсенділік аймақтарынан оралған әйелдердің радикалдануына арналған қазақстандық тәжірибені зерттеу негізінде радикалданудың жеке және құрылымдық себептері анықталды. Біздің зерттеуіміздің тұжырымдамалық үлесі әйелдердің радикалдануының құрылымдық себептерін анықтау болып табылады. Авторлар зерттеуде практикалық маңызы бар дерадикализация стратегиясын өзгертуді ұсынады.

Түйінді сөздер: Ислам мемлекетіндегі әйелдер, Сириядан келген оралмандар, радикалдану, террористік ұйымдар, джихадшылар

Введение

Сирийский кризис, начавшийся в 2011 году, и переросший в гражданскую войну, привлек интерес тысячи мусульман по всему миру. В отчете неправительственной аналитической организации The Soufan Group (SG) за 2017 год указывается, что на первом месте по импорту иностранных боевиков-террористов оказалась Россия – 3417 человек участвовали в военных конфликтах в Сирии и Ираке на стороне террористических группировок. Далее следует Саудовская Аравия – 3244 рекрутов, Иордания – 3000 боевиков. Из Туниса в зону вооруженного конфликта выехало 3000 человек, из Франции – 1910. Из территории Центральной Азии было рекрутировано около 5000 боевиков. Наибольшее число рекрутов фиксируется с территории Узбекистана – 1500 человек и Таджикистана – 1300 человек (Barrett, 2017).

Из Казахстана с начала военного конфликта по данным Комитета национальной безопасности в Сирию и Ирак выехали около 800 граждан, из которых около 120 мужчин, более 250 женщин и 500 несовершеннолетних детей (Zakon.kz, 2021). В январе 2019 года Казахстан начал эвакуацию своих граждан. В рамках операций «Жусан» и «Русафа» было возвращено более 700 человек, среди которых 189 женщин и 522 ребенка (Время, 2022).

Дискуссии в международной академической среде посвящены возрастающей роли женщин в террористических организациях. Не пользуется поддержкой сегодня неориенталистский подход, закрепляющий за мусульманскими женщинами статус жертвы. Несмотря на то, что исследователи сходятся во мнении о выполнении женщинами ролей «жен солдат Халифата», «матерей будущих джихадистов», также есть свидетельства о занятии женщинами онлайн-вербовкой, участии в охране порядка в женской сети Исламское государство (далее ИГ). Среди возвращенных казахстанок 19 из них оказались привлечены к уголовной ответственности за вербовку и причастность к деятельности террористической группы (Kazakhstan Today, 2021).

Обоснование выбора темы исследования, цели и задачи

Тема радикализации женщин недостаточно изучена. В западных исследованиях приводится общая картина экстремизации сознания женщин, что связано с отсутствием доступа ученых непосредственно к самим женщинам, поскольку Европа не возвращала своих граждан из зон террористической активности. Исследования ученых опираются в основном на вторичные источники: аккаунты женщин-вербовщиц в со-

циальных сетях, пропагандистские издания ИГ. Отсутствие понимания мотивов, приводящих женщин в террористические организации, не позволяет разработать тактики вмешательства в процесс религиозной радикализации.

Исследователи, изучавшие радикализацию в Центральной Азии и Казахстане, рассматривали проблему сквозь призму религиозной безграмотности, низкого материального положения, поиска идентичности, что оставило неизученной проблему структурного давления.

Радикализация женщин подробно рассмотрена в работах западных исследователей М. Блум, Н. Лахунд, Ч. Винтер, Д. Марголин, Э.М.Солтман, М. Смит, Р. Мирза. Исследования западных ученых представили только общую картину радикализации женщин. Это связано с тем, что в них использовались вторичные источники: социальные сети, журналистские материалы, пропагандистские издания ИГ. Кроме того, современные исследования о женском терроризме опираются на неориенталистские теории, отсюда патриархатная интерпретация участия женщин в радикальном проекте «Исламское государство», сфокусированность на личных мотивах радикализации с исключением политического контекста. Кроме того, работы западных исследователей сфокусированы на проблеме радикализации европейских женщин, что с учетом иного культурного и политического контекста не позволяет применить их к ситуации с радикализацией казахстанских женщин.

В свою очередь, казахстанские исследователи Е. Карин, Ю. Шаповал, М. Бекмаганбетова на основе глубинных интервью с более чем ста женщинами, а также участвующими в программе дерадикализации теологами и психологами установили, что причинами радикализации могли стать их идеологические представления, религиозная неграмотность, низкий материальный статус, стремление превратить себя в религиозный субъект. Указанные интервью с возвращенными женщинами проводились в первые месяцы их нахождения в реабилитационном центре в городе Актау, когда не были начаты работы по дерадикализации и реинтеграции. Выявленные особенности не позволяют оценить казахстанскую программу дерадикализации и ресоциализации женщин в полной мере.

Теория интерсекциональности, применяемая в нашем исследовании, позволяет объяснить мотивы радикализации женщин в контексте структурных проблем, что, в свою очередь, требует

пересмотра дерадикализационной программы, сфокусированной на теологическом переубеждении.

Цель предлагаемого исследования – на основе глубинных интервью с репатриантками и практиками первой линии (теологами, психологами, сотрудниками неправительственных организаций) изучить причины радикализации казахстанских женщин. Пути радикализации в ИГ описываются из-за характера исследования, проводимого авторами, и сосредоточенности на этой теме.

В работе используется теория интерсекциональности, призванная восполнить пробелы в изучении радикализации женщин в Казахстане.

Авторы предполагают, что проведенное ими исследование позволит восполнить пробелы в изучении мотивов женской радикализации и внесет ясность в вопросы профилактики религиозного радикализма и дерадикализации женщин, возвращенных из зон террористической активности.

Научная методология исследования

Исследование опиралось на знания практиков первой линии (специалисты, непосредственно работающие с лицами из группы риска, осведомленные о признаках радикализации, умеющие наладить контакт с человеком, поддерживать позитивные отношения, в казахстанской программе это теологи и психологи), а также на нарративы репатрианток.

Качественное исследование было проведено в городах Актобе, Жезказган, Сатпаев, Караганда, а также Алматинской области (город Каскелен, поселок Узынагаш), где проживали вернувшиеся женщины. Города Актобе, Жезказган, Сатпаев были выбраны вследствие выезда из этих регионов наибольшего числа граждан в зону террористических действий. Полу структурированные интервью использовались для беседы с репатриантками и специалистами, работающими с ними и их семьями. В организации исследования содействие оказывали управления по делам религий на местах. В период 2022–2023 гг. было проведено 21 глубинное интервью с женщинами-репатриантками и 13 экспертных интервью со специалистами теологами, психологами, а также руководителями и сотрудниками неправительственных организаций, участвующими в процессе дерадикализации возвращенных женщин.

Во время интервью применялся метод активного непредвзятого слушания, по типу биографического интервью, с возможностью не затрагивать темы, которые могут стать триггерами травм.

Возникали сложности, связанные с нежеланием женщин участвовать в опросах, поскольку ранее они давали интервью журналистам. Тогда публикации в СМИ вызвали в обществе негативную реакцию и усложнили отношения репатрианток с родственниками. В частности, осуждению подверглись признания женщин о вынужденном неоднократном замужестве на территории так называемого Исламского государства (Nur.kz, 2019). Также, существовали ограничения, связанные с невозможностью опросить всех возвращенных женщин, списки репатрианток предоставлялись государственными органами.

Мотивы радикализации и роли женщин в Исламском государстве

О радикализации верующих женщин в казахстанской и зарубежной академической литературе имеется крайне скудная информация. Более подробно роль женщин в Исламском государстве раскрыта в европейских исследованиях. Согласно данным The Soufan Group (SG) наибольшее число женщин выехало из Франции, Германии и Великобритании (Barrett, 2017). Мотивы выезда женщин представляют собой сочетание религиозных, идеологических, политических и личных причин (Peresin, 2015).

Канадский профессор Миа Блум обобщает личностные показатели вовлечения женщин в терроризм: месть, искупление, отношения, уважение. Месть за смерть близкого члена семьи может стать фактором вовлечения женщин в политическое насилие. Мученичество является привлекательным вариантом после незаконных отношений (включая кровосмесительные отношения с членами семьи) или для очищения истории семьи из-за какого-то другого скандала. Если женщины скрывают постыдную тайну, они могут чувствовать, что совершают этот поступок во имя Бога, мученическая смерть женщины стирает все ее грехи и стигматы. Брачные отношения с джихадистом также могут содействовать участию женщины в насилии. Вместе с тем, акт мученичества может сделать известной женщину, чего при жизни сложно добиться в патриархальном обществе (Bloom, 2011).

Американский исследователь Нелли Лахуд, изучив официальные онлайн-журналы ИГ – «Аль-Наба», «Дабик», «Румия» и «Дар аль-Ислам», приходит к выводу, что ИГ контролирует повседневную жизнь женщин на микроуровне, и мужчины, в конечном счете, несут ответственность за женщин. Более того, она утверждает, что женские роли ограничены ролями жены, матери. Журналы поощряют женщин находить мужей для своих дочерей, а вдов – вступать в повторный брак с боевиками ИГ (Lahoud, 2018). Исследователи терроризма Чарли Винтер и Девора Марголин подтверждают стратегический характер привлечения женщин в ИГ – жены, в некоторых случаях рабыни-езидки должны были служить для привлечения и удержания мужчин-боевиков (Winter, 2017).

Вместе с тем, женщинам в «Халифате» приписываются и более активные роли. Несмотря на отсутствие доказательств участия женщин в боевых действиях ИГ, имеются сообщения об их работе в женской полиции, сборе разведывательных данных, подготовке к военным операциям или, возможно, к нападениям смертниц. Активные онлайн-вербовщицы поощряют потенциальных новобранцев (женщин) переходить в Исламское государство или совершать теракты внутри страны (Bloom, 2020).

Ряд ученых критично относится к нарративам о личных мотивах радикализации женщин, так, по мнению постколониального исследователя Джулии Раджан подобный подход ограничивает интерпретацию мотиваций женщин в контексте патриархальных стандартов, исключая политический контекст (Rajan, 2012).

Исследователи женского радикализма Эрин Мари Солтман и Мелани Смит наиболее устойчивым выталкивающим фактором называют чувство изоляции мусульман в западном обществе, проистекающем из отсутствия чувства принадлежности к западной культуре. Тогда как основными притягивающими факторами в радикализации женщин, по мнению ученых, являются: идеалистические цели религиозного долга и построения утопического государства-халифата; идентичность, принадлежность и сестринство; романтизация опыта. (Saltman, 2015).

Описывая опыт радикализации канадских женщин, Рабия Мирза в качестве притягивающего фактора указывает салафитско-джихадистскую идеологию, которая заполняет пустоту, возникшую из-за несовместимости западной и исламской культуры. Обещание чистого ис-

ламского общества, лишенного греховных соблазнов, воспринимается как ценность. Возможность быть частью чего-то большего, чем ты сам, и стать важным для уммы (глобального мусульманского сообщества) рассматривается как предназначение (Mirza, 2018).

Вытесняющим фактором для казахстанских верующих, вероятно, стала религиозная нетерпимость. Образ практикующего верующего воспринимался обществом как угроза светским ценностям. К сожалению, практикующие верующие оказались в фокусе «стереотипного сценария ориенталистской демонизации» (Тлостанова 2020: 179). Вероятно, неприятию верующего сообщества способствовала западная истерия, рассматривающая ислам в соответствии со «стандартным узким репертуаром стереотипов» (Тлостанова 2020: 179) как терроризм, угрозу. В своей исследовательской работе профессор антропологии и гендерных исследований Колумбийского университета Лила Абу Луход критикует культуралистский подход, противопоставляющий мусульманский мир западному и позиционирующий мусульман как самую гомогенизированную, особую и угрожающую культуру, от которой нужно «спасать» мусульманских женщин (Abu-Lughod, 2013).

«Новые мусульмане» (Термин используется казахстанским социологом религии Алмой Султангалиевой в монографии «Возвращение ислама» в Казахстан) в Казахстане испытывают кризис идентичности, обусловленный несовместимостью светских и исламских ценностей. Репатриантки в интервью рассказывали о своем опыте публичной нетерпимости, связанной с внешним видом. Большинство участниц-мусульманок предпочитали носить хиджаб, поскольку исламская одежда была доказательством их поклонения Аллаху. Внешнее проявление религиозности окружающими воспринималось как радикальное поведение. Отсутствие общественного признания статуса практикующих мусульманок привело к их маргинализации.

Современные исследования о женском терроризме опираются на неориенталистские теории, отсюда патриархатная интерпретация участия женщин в радикальном проекте «Исламское государство». Кроме того, в общественно-политическом дискурсе эксплуатируется нарратив, виктимизирующий выехавших в Сирию казахстанок. Нельзя отказать в правоте казахстанскому антропологу Алиме Бисеновой, которая пишет: «Хотя уже и нет понятия «жен-

щины Востока», его, казалось бы, успешно деконструировали, но продолжает существовать женщина-субалтерн, которую надо «спасать» из тисков традиционного общества и патриархата» (Бисенова, 2023: 440).

Казахстанские исследователи Юлия Шаповал и Мадина Бекмаганбетова предлагают изучать факторы и мотивы выезда женщин через призму женской агентности. Верующие женщины ставили своей целью превращение себя в подлинно религиозного субъекта (Шаповал & Бекмаганбетова, 2021). Респондентки рассказали, что пришли в религию до замужества, более того, им пришлось отстаивать право на ношение хиджаба перед родственниками. Некоторые репатриантки выехали на территорию Сирии самостоятельно, без сопровождения супруга или родственника-мужчины.

Во время интервью только одна женщина рассказала о том, что супруг обманул ее, когда говорил об отдыхе в Турции. Из Турции, шантажируя ее детьми, он вывез семью в Сирию.

Следовательно, не все верующие женщины были жертвами, обманом вывезенными из страны. У большинства из них было право выбора.

Лишение репатрианток субъектности, отказ им в праве голоса и неприятие их инаковости скорее всего приведут к сохранению их протестного потенциала, который, в настоящее время находится в латентной фазе.

Советская антирелигиозная кампания привела к тому, что ислам в Казахстане и в целом, в Центральной Азии, оказался отрезан от мусульманского мира, был локализован и отождествлялся с обычаями и традицией. Появилось понятие «народный» или «бытовой» ислам (Халид, 2010). Быть мусульманином означало жить в согласии с определенными местными нормами и обычаями, а не следовать ограничениям, санкционированным религией. Процесс реисламизации в постсоветских государствах внес свои коррективы в религиозную практику.

Социолог религии Алма Султангалиева, раскрывая феномен «новых мусульман», пишет о том, что для них принадлежность к глобальной мусульманской общине выше, чем принадлежность к своей этнической или национальной группе. И приход в ислам – это результат осознанного личного выбора (Султангалиева, 2015).

Оливье Руа солидарен с позицией казахстанского исследователя о выходе современного ислама за рамки понимания того, что достаточно родиться мусульманином. По мнению учено-

го, черты религиозности включают кризис социального авторитета религии, разединение религиозных и культурных паттернов, консти-туирование религиозных общин на основе индивидуального самоопределения «себя как верующего», стремление вернуться к истинным религиозным доктринам. Индивидуализация религиозности предполагает доказательство своей веры, ее демонстрацию, в том числе, через следование религиозным ритуалам, внешним обликом (Руа, 2018).

Образ жизни «новых мусульман», заключающийся в демонстрации своей религиозности, стал вызовом светскому обществу. Контролирующие образы верующих женщин действуют как механизмы создания инаковости и субординации по признакам религиозной идентичности и гендера. Верующие оказались в пространстве социального исключения. При этом, наиболее уязвимыми в социальном и экономическом отношении стали женщины. На момент выезда казахстанских семей в Сирию в стране существовал официальный запрет на ношение хиджаба в учебных заведениях, мусульманок в хиджабах не принимали на работу в государственные органы.

В основе такого отношения к практикующим верующим лежит подход, свойственный для идеологии советского периода, когда религия считалась пережитком прошлого, деструктивным явлением. О воспроизводстве советского дискурса говорит тот факт, что религия находится под государственным контролем, и им же инициирован «правильный и «неправильный» ислам. Кроме того, на некоторые религиозные течения навешан ярлык средневекового фундаментализма. Тогда как исследователь современного ислама Оливье Руа говорит о неоправданности и называет происходящие процессы в исламе модерностью (Руа, 2018).

Выехавшие на территорию Сирии казахстанцы ассоциировали себя с глобализированной исламской уммой. Их выезд в центральноазиатском академическом дискурсе был охарактеризован «семейным джихадом» и объяснялся патриархальным устройством семьи, безусловным подчинением супругу (Шаповал, 2011, Soliev, 2021). Ноа Такер корни терроризма видит в неблагоприятных социально-экономических условиях, структурных проблемах в конкретных регионах Центральной Азии (Tucker, 2019). Ряд исследователей считает, что выезд иностранных

боевиков, в том числе из Центральной Азии, и присоединение к Исламскому государству имел идеологическую подоплеку (Mironova, 2019, Карин, 2020).

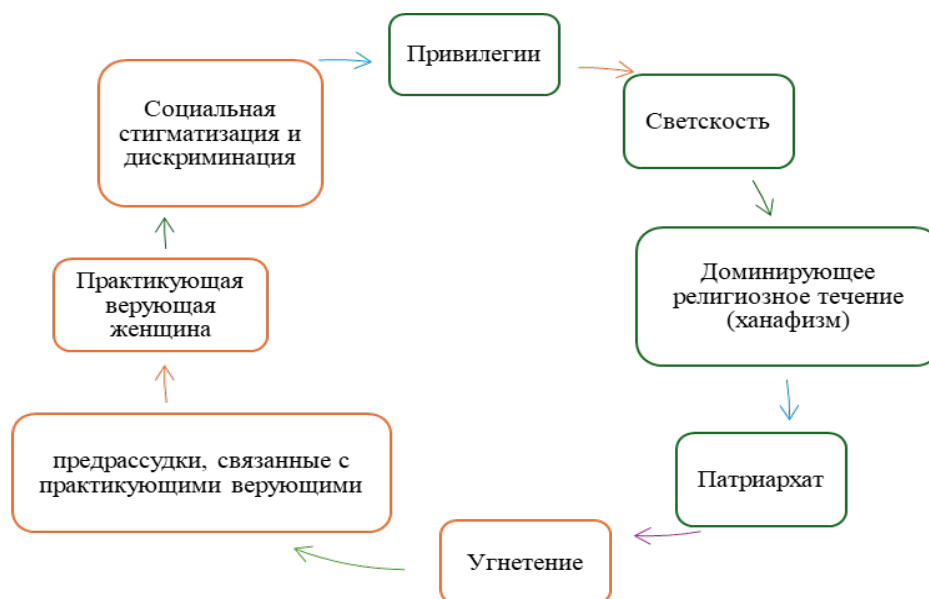
С точки зрения самоидентификации, мусульманские женщины, присоединившиеся к ИГ и переехавшие в «Халифат», называют себя мухаджират (совершившая хиджру) по аналогии с последователями Пророка Мухаммада, переселившимися вместе с ним из языческой Мекки в Медину. Одним из триггеров для выезда казахстанцев целыми семьями в зону террористической активности, в так называемое «Исламское государство» казахстанские исследователи называют религиозную идентичность, восприятие себя частью «воображаемой уммы» (Шаповал & Бекмаганбетова, 2021).

Теория интерсекциональности, впервые разработанная Кимберли Креншоу для исследования опыта черных американок, который характеризуется множественным угнетением, порожденным действием пересекающихся систем доминирования (Crenshaw, 1989) может способствовать пониманию факторов радикализации верующих женщин в Казахстане. Социальное положение «практикующая мусульманка» обозначает позицию на пересечении осей гражданского, религиозного, гендерного неравенства. Множество видов дискриминации: светскость, доминирование религиозного течения ханафизм, патриархат, страх перед практикующими верующими взаимодействуют друг с другом, образуя структурную систему угнетения.

Так, среди верующих практикующих женщин гораздо выше процент безработных, чем среди привилегированной группы светских женщин. Вероятность столкнуться с дискриминацией при приеме на работу для них намного выше – поскольку они не просто женщины, но еще и демонстрирующие религиозность, что с учетом распространенности в обществе нетерпимости к «новым мусульманам», воспринимается как радикальное поведение. На рисунке 1 представлена модель радикализации казахстанских женщин, оказавшихся на пересечении множественных осей дискриминации.

Следовательно, множественная дискриминация, которой подвергается верующая казахстанская женщина, может стать объяснением мотива ее присоединения к террористическим группировкам.

Рисунок 1

Пересекающиеся оси привилегий/угнетения

Выезд казахстанских женщин в большинстве случаев был обусловлен решением супруга, а также шансом расширить права и возможности на территории, где действуют нормы шариата. Респондентка из Сатпаева объяснила свое решение выехать в Сирию ограничением религиозных прав и свобод, а также влиянием пропагандистского ролика о выехавших казахстанцах (интервью проводилось на казахском языке, женщине 28 лет, вернулась с двумя детьми, супруг, по ее словам, погиб в Сирии). Женщина из неполной семьи, отец рано умер, проживает с мамой, завершает учебу в колледже по медицинской специальности):

«Когда я поступила в университет, остро стояла проблема хиджаба. Сказали, что на занятия нельзя приходить в хиджабе. Меня часто вызывал декан. На втором курсе он потребовал от меня перевестись на другой факультет или отчислиться. За чтение намаза автоматически следовало отчисление. Тогда я стала задумываться о дальнейших действиях. В это же время появился призыв ста пятидесяти казахов (видеоролик о «150 казахстанцах», приехавших в Сирию для участия в военных действиях, распространенный в 2013 году медиаресурсом H-Center.info, принадлежащем ИГ.): «Мы живем свободно. Никто не мешает нашей вере!». Тогда я задумалась, если я поеду туда, возможно, смогу свободно исповедовать религию. Здесь у меня не было

будущего, если не смогу получить диплом, не найду работу» (глубинное интервью, 13 марта, 2022).

Респондентка из Актобе также не смогла получить высшее образование из-за запрета хиджаба в университете (женщине 30 лет, мама страдала психическим заболеванием, отец – инвалид, жила в городе Актобе, вначале с супругом выехала в Афганистан, потом перебрались в Сирию. Первый супруг погиб, вернулась со вторым супругом и двумя детьми, супруг находится в тюрьме):

«Я поступила в Актобинский государственный педагогический институт. У нас в семье все педагоги, ну родственники с папиной стороны, мама и папа педагоги. Все хотели, чтобы я стала учителем. А я хотела стать архитектором-дизайнером. В то время открывался Евразийский университет в Астане, хотела туда поступить. Но так как я единственная дочь и приглядывала за домом, отец у меня инвалид, парализована левая сторона после инсульта, поэтому отец не захотел меня отпускать. Я училась хорошо, но с деньгами проблема была. На втором курсе хотели перевести на грант, так как я хорошо училась, но я начала одевать хиджаб и ректор, не хочу плохие вещи говорить о нем, потому что он уже умер, он сказал либо традиционная обычная одежда, либо отчисляйтесь, и я оставила учебу» (глубинное интервью, 27 апреля 2022 г.).

Жительница Караганды свое решение к выезду обосновывает уговорами супруга о необходимости помощи мусульманам, а также пообещавшего жизнь в шариатском государстве. Кроме того, для нее, как и для респондентки из Сатпаева, убедительным оказался пропагандистский ролик о выехавших в Сирию казахстанцах (интервью проводилось на русском языке, респондентке 29 лет, у нее двое детей, один из них родился в Сирии. Респондентка родом из города Жезказган, в восьмилетнем возрасте с родителями переехала в Караганду. На момент интервью родители были разведены, женщина проживала в доме отца. Родители помогали финансово в период ее нахождения в Сирии в лагере аль-Холь): «Он говорил, что мусульмане это – жамагат, одно тело. Мы должны помогать. Я ему отвечала: «Давай два делать, мы всё равно ничем не сможем помочь, ни физически, ни финансово. Потом сто пятьдесят семь казахстанцев уехали туда. Официально объявили Халифат, Халифат – это по закону Аллаха, нет никаких конституций, это образ жизни по Корану и Сунне. Конечно, я долго думала над этим, долго решалась. Он говорил, что всё равно умрем на пути Аллаха, пусть будет это один раз, и это будет путь в рай. Когда человек, который находится рядом с тобой постоянно, повторяет одно и то же, конечно это тоже повлияет. Потом я подумала, может у меня знаний не хватает, и супруг прав. Я спрашивала у него: «Как я там буду воевать?». А он отвечает: «Мы едем ну не то, что воевать, а это переселение. Я же не призываю воевать, убивать кого-то. Мы переедем туда, где женщины покрываются и где все живут только по закону Аллаха» (глубинное интервью, 10 марта, 2022 г.).

Репатриантка из Жезказгана рассказала, что работала в государственной организации. Ее вынудили уволиться из-за ношения хиджаба. Свой приход в религию она объясняет недовольством светским, как ей казалось, аморальным образом жизни (интервью проводилось на казахском языке, репатриантке 32 года, она из полной семьи, вернулась с тремя детьми, один ребенок умер в Сирии, на момент интервью была замужем, является второй женой, брак зарегистрирован по религиозным законам, ожидает появления пятого ребенка): «Я закончила экономический колледж, начала стажироваться в государственном центре по выплате пенсий. Тогда еще я не была замужем. С подругами ходила в кафе. Однажды, я почувствовала недовольство своим образом жизни. Мне перестали нравиться клубы, я по-

няла, что одеваюсь неправильно, поскольку носила короткие вещи. Начала замечать на улице девушек в хиджабах. Нашла дома книгу по обучению намазу. Никто из родственников не читал намаз, не знаю, как эта книга оказалась дома. Стала совершать пятикратный намаз. К концу стажировки я одела хиджаб. Тогда руководитель на работе потребовал, чтобы я уволилась. И я уволилась. В этот момент меня не интересовало мирское: деньги, карьера. Моя душа обрела покой. Я решила, что все произошло по воле Аллаха» (глубинное интервью, 12 марта 2022 г.).

Жительница Караганды уехала из Египта, где супруг получал религиозные знания, в Казахстан. Через четыре месяца родители, боясь осуждения родственников и знакомых, заставили дочь с двумя детьми вернуться к супругу, который на тот момент уже перебрался в Сирию (В казахстанском обществе, где доминирует патриархальная система ценностей, разведенные женщины подвергаются стигматизации) (интервью проводилось на русском языке, респондентке 30 лет, она из полной семьи, жили в поселке рядом с городом Караганда. Вернулась с двумя детьми. В Казахстане вышла замуж, родились еще двое детей. Родители помогают с воспитанием детей, женщина работает в салоне красоты парикмахером): «Потом на девочку я беременная была, мы в Египет уехали, он там учился. Я там родила девочку, второго ребенка. Мне там плохо было. С первого дня плохо было в Египте. Там грязно, жарко и вообще менталитет другой, люди другие. Я захотела домой. А он говорил, что у меня вероубеждение неправильное: «Как ты это место можешь оставить? В Казахстане где ты Азан услышишь?». Однажды я его уговорила, при условии, что вернусь в Египет. В Караганде я где-то четыре месяца была. Потом мне стало уже надоедать, я всех увидела, все моих детей увидели. Все начали шептать: «Почему без мужа? Где он? Чем он там занимается?». Начали в меня тыкать со всех сторон. Уже со всех сторон что-то начали мне говорить, да и мне самой стыдно стало одной ходить с двумя детьми» (глубинное интервью, 6 марта 2022 г.).

Жительница Актобе называет свой выезд в Сирию «слепым следованием» за мужем. Необходимо отметить, что в дальнейшем другие женщины также будут использовать подобную терминологию: «слепое следование», «слепая любовь». Возможно, данные термины являются навязанными в процессе дерадикализационной работы. Респондентка также, как и многие дру-

гие женщины отрицает материальные проблемы в качестве причины выезда. Вместе с тем, кроме желания жить в шариатском государстве и уклончивом упоминании запрета хиджабов в школах не называет другие причины, вынудившие ее с супругом выехать из страны (респондентке 27 лет, интервью проводилось на русском языке, она из неполной семьи, отец рано погиб, воспитывалась у бабушки с бабушкой, жила в городе Актобе, из Сирии вернулась с одним ребенком, после гибели супруга замуж не выходила): «Мы в 2015 году приехали в Сирию, это было лето. Сначала в Стамбуле были, недельку. Ну мы как туристы туда ехали, билеты купили туда – обратно, через турагенство. Муж поехал туда, как и все, у него была мечта жить в шариате, практиковать каноны ислама. Вообще, изначально никто не ехал убивать, резать туда. Тогда хиджабы в школах не разрешали. Может и на этом фоне мы уехали, не знаю. Но мы то за мужьями в основном уезжали. Куда он – туда я. Слепое следование да, как бы. Сыну было тогда 8 месяцев. Муж вначале не сожалел. Такого вообще не было, чтобы кто-то приехал и сразу сожалел. Через время, наверное, потому что вначале эйфория. Все довольные все хорошо. Муж не из-за денег туда поехал. Там 50-100 долларов выдают, никто бы не поехал бы, когда у него в Казахстане приличная зарплата. Он в «Қаражанбасмұнай» работал, нефтяник по специальности» (глубинное интервью, 27 апреля 2022 г.).

Таким образом, причинами, которые мотивируют на выезд из страны в Сирию, со слов респонденток, являются: ограничение религиозных прав и свобод (запрет хиджабов в учебных заведениях и на государственной службе), стигматизация (выезд вслед за супругом был вызван страхом осуждения со стороны родственников и знакомых из-за статуса незамужней женщины). Кроме того, некоторые женщины сообщали о нежелании оставлять своих детей без отцов, поскольку сами выросли в неполных семьях. Также женщины говорили о следовании за супругом из-за любви и нежелании разрушать семью. Окончательное решение о выезде некоторые семьи приняли после пропагандистских материалов ИГ, адресованных казахстанской аудитории. В дискурсе респонденток религиозные убеждения и материальные проблемы не указывались как основные причины выезда. Следовательно, векторами угнетения могла стать государственная политика запрета религиозного одевания, а также культурные и индивидуальные особен-

ности – стремление сохранить брак из-за страха осуждения либо нежелания повторения для детей собственной сиротской судьбы.

Результаты и обсуждение

Недостаток казахстанских исследований о радикализации верующих, вероятно, заключается в нераскрытости структурных проблем. Единственной отечественной работой, акцентирующей внимание на структурных причинах радикализации (несправедливости, социальной изоляции, депривации, виктимизации верующих, придерживающихся фундаменталистского ислама) является исследование Дины Шариповой и Серика Бейсембаева. Они рассматривают террористические действия в Казахстане в 2012, 2016 годах в городах Актобе, Атырау, Алматы как выражение институционального недоверия. Объектами террористических действий тогда оказались правоохранные органы, к которым у общества было сформировано недоверие из-за коррупции, несправедливости, низкого профессионализма (Sharipova & Beissembayev, 2021).

Кроме того, неприятие государственных органов некоторыми верующими выражается в искаженном понимании коранического термина «тагут», принимающего в радикальном дискурсе значение административной и правовой системы нетеократических стран, с которыми необходимо бороться (Сабдин, 2020).

Одна респондентка из города Жезказган не была указана в списке для интервьюирования. Она пришла на встречу по собственной инициативе. Для ее речи был характерен протестный дискурс. Описывая свой негативный опыт взаимодействия с государственными организациями, она делает предположение, что, возможно, имел место коррупционный контекст. Так, в государственной поликлинике врач общей практики отказал ей в прохождении бесплатного осмотра, несмотря на то, что она стоит на учете по беременности и имеет право на получение бесплатных медицинских услуг. Также, она столкнулась с бюрократическими препятствиями при попытке получения государственного гранта на развитие собственного бизнеса.

В связи с указанным, видеть только религиозную (идеологическую) предпосылку либо материальные проблемы в решении казахстанцев выехать на Ближний Восток было бы упрощением проблемы.

Заключение и выводы

Опыт казахстанских мусульманок, который характеризуется множественным угнетением, способствовал формированию их религиозной идентичности, принявшей радикальную форму выезда в «Исламское государство». Находясь на пересечении структурной дискриминации, верующие женщины видели шанс расширения своих прав и возможностей в «Халифате», контролируемой шариатскими нормами. В основе радикализации сознания женщин находятся личные и структурные проблемы: отсутствие эмоциональной связи с родственниками, отвержение со стороны семьи и общества; чувство изолированности; сложности с получением образования и трудоустройством. Модернистский проект «Исламское государство» стал воплощением «воображаемого сообщества», живущего по справедливым исламским законам, и в котором существовал дух единения мусульман со всего мира.

Помимо материальных и идеологических причин, в качестве выталкивающих факторов, возможно, стоило бы рассматривать и системные проблемы – институциональное недоверие, проблемы с коррупцией.

Фокус современных исследований о радикализации женщин сконцентрирован на неориенталистском подходе – верующие женщины в них позиционируются в качестве жертв. Действительно, на территории Сирии и Ирака женщины выполняли отведенную им патриархатной структурой ИГ роль жен джихадистов и матерей будущих «солдат Халифата». Но также имеются свидетельства о более активной роли женщин, таких как онлайн-вербовщицы, сотрудницы женской сети охраны. Между тем, отсутствуют

доказательства участия женщин в военных действиях. Указанное позволяет говорить о женской агентности и наличии у репатрианок свободы выбора. Лишение возвращенных женщин субъектности, отказ им в праве голоса может привести к сохранению их протестного поведения в латентной форме.

Возможно, неверное представление об истинных причинах выезда казахстанских семей сузило стратегию дерадикализации, которая в целом сводится к религиозному переубеждению. Тогда как неучтенными остаются такие причины как институциональное недоверие, исключение из социальной жизни (невозможность практикующими верующими женщинами получения высшего образования и трудоустройства, общественная стигматизация).

Благодарность, конфликт интересов

Данное исследование профинансировано Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (грант № AP25796507 «Реинтеграция в казахстанское общество лиц, находящихся под влиянием идеологии религиозного экстремизма на постпонициарном этапе»).

Вклад авторов

Сарсембаев Р. – предложил идею и разработал концепцию исследования, отредактировал и доработал рукопись.

Мухатаева Г. – проводила интервью, обобщила методологию исследования, написала первоначальную рукопись. Систематизировала материал и подготовила аналитический обзор научной литературы.

Литература

- Abu-Lughod, L. (2013). *Do Muslim women need saving?* Harvard University Press.
- Barrett, R. (2017). *Beyond the caliphate: Foreign fighters and the threat of returnees*. The Soufan Center. <https://thesoufancenter.org/wp-content/uploads/2017/11/Beyond-the-Caliphate-Foreign-Fighters-and-the-Threat-of-Returnees-TSC-Report-October-2017-v3.pdf>
- Bloom, M. (2011). Bombshells: Women and terror. *Gender Issues*, 28(1–2), 1–21. <https://doi.org/10.1007/s12147-011-9098-z>
- Bloom, M., & Lokmanoglu, A. (2023). From pawn to knights: The changing role of women's agency in terrorism. *Studies in Conflict & Terrorism*, 46(4), 399–414. <https://doi.org/10.1080/1057610X.2020.1759263>
- Crenshaw, K. (1989). Demarginalizing the intersection of race and sex: A Black feminist critique of antidiscrimination doctrine, feminist theory and antiracist politics. *University of Chicago Legal Forum*, 1989(1), 139–167. <http://chicagounbound.uchicago.edu/uclf/vol1989/iss1/8/>
- Kazakhstan Today (2021). *Вернувшуюся из Сирии казахстанку приговорили к 5 годам лишения свободы*. https://www.kt.kz/rus/incidents/vernuyshuyusya_iz_sirii_kazahstanku_prigovorili_k_5_godam_lisheniya_svobody_1377913505.html
- Lahoud, N. (2018). *Empowerment or subjugation: An analysis of ISIL's gendered messaging*. UN Women.
- Mironova, V. (2019). *From freedom fighters to jihadists: Human resources of non-state armed groups*. Oxford University Press.

- Mirza, R. (2018). *Canadian women in ISIS: Deradicalization and reintegration for returnees*. Master's thesis, University of Ottawa. <https://ruor.uottawa.ca/handle/10393/38238>
- Nur.kz (2019). «Женщины выходили замуж по 19 раз»: Казахстанка рассказала, как попала в Сирию. <https://www.nur.kz/incident/crime/1793656-zensiny-vyehodili-zamuz-po-19-raz-kakazahstanka-rasskazala-kak-popala-v-siriu/>
- Peresin, A. (2015). Fatal attraction: Western Muslimas and ISIS. *Perspectives on Terrorism*, 9(3), 21–38.
- Rajan, J. V. (2011). *Women suicide bombers: Narratives of violence*. Routledge.
- Saltman, E. M., & Smith, M. (2015). *Till martyrdom do us part: Gender and the ISIS phenomenon*. Institute for Strategic Dialogue.
- Sharipova, D., & Beissembayev, S. (2021). Causes of violent extremism in Central Asia: The case of Kazakhstan. *Studies in Conflict & Terrorism. Advance online publication*, 46(9), 1702–1724. <https://doi.org/10.1080/1057610X.2021.1872163>
- Soliev, N. (2021). Tracing the fate of Central Asian fighters in Syria: Remainers, repatriates, returnees, and relocators. *Perspectives on Terrorism*, 15(4), 125–140. https://www.researchgate.net/publication/354178157_T
- Tucker, N. (2019). *Terrorism without a God: Reconsidering radicalization and counter-radicalization models in Central Asia* (CAP Paper No. 225). Institute for European, Russian, and Eurasian Studies, The George Washington University. <https://centralasiaprogram.org/terrorism-god-reconsidering-radicalization-counter-radicalization-models-central-asia>
- Winter, C., & Margolin, D. (2017). The mujahidat dilemma: Female combatants and the Islamic State. *CTC Sentinel*, 10(7). <https://ctc.westpoint.edu/the-mujahidat-dilemma-female-combatants-and-the-islamic-state/>
- Zakon.kz (2021, June 15). *Реабилитация возвращенных из зон боевых действий граждан идет успешно*. <https://www.zakon.kz/5085492-reabilitatsiya-vozvrashchennyh-iz-zon-boevykh-deystviy-grazhdan-idet-uspeшно>
- Бисенова, А. (2023). Конструкт «Женщина Востока» и проблема ее «спасения» в колониальном, советском и новом либеральном дискурсах. В А. Бисенова (Ред.), *Qazaqstan, Казахстан: Лабиринты современного постколониального дискурса*. Центр современной культуры «Целинный».
- Время (2022). *Более 700 граждан Казахстана возвращены из «горячих точек»*. <https://time.kz/news/politics/2022/09/16/bolee-700-grazhdan-kazahstana-vozvrashheny-iz-goryachih-tochek>
- Карин, Е. (2020). *Операция «Жусан»: Кого и почему вернули из Сирии?* Print House Gerona.
- Рух, О. (2018). *Глобализированный ислам: в поисках новой уммы*. Фонд Марджани.
- Сабдин, А. (2020). *Теологические нарративы дерадикализации*. ТОО Bsquared.
- Султангалиева, А. (2012). «Возвращение ислама» в Казахстан. Фонд Алтынбека Сарсенбайулы.
- Тлюстанов, М. (2020). *Деколониальность бытия, знания и ощущения*. Центр современной культуры «Целинный».
- Халид, А. (2010). *Ислам после коммунизма: Религия и политика в Центральной Азии*. Новое литературное обозрение.
- Шаповал, Ю., & Бекмаганбетова, М. (2021). Хиджра в «Исламское государство» через призму женских нарративов: Кейс Казахстана. *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*, 39(3), 289–315. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2021-39-3-289-315>

References

- Abu-Lughod, L. (2013). *Do Muslim women need saving?* Harvard University Press.
- Barrett, R. (2017). *Beyond the caliphate: Foreign fighters and the threat of returnees*. The Soufan Center. <https://thesoufancenter.org/wp-content/uploads/2017/11/Beyond-the-Caliphate-Foreign-Fighters-and-the-Threat-of-Returnees-TSC-Report-October-2017-v3.pdf>
- Bisenova A. (2023) *Konstruktsiya «Zhenshchina Vostoka» i problema ee «spaseniya» v kolonial'nom, sovetskom i v novom liberal'nom diskursah. Qazaqstan, Kazakhstan: Labirinty sovremennogo postkolonial'nogo diskursa* [The Construct of the 'Woman of the East' and the Problem of Her 'Salvation' in Colonial, Soviet and New Liberal Discourses. Qazaqstan, Kazakhstan: Labyrinths of Modern Postcolonial Discourse]. V.A. Bisenova (Ed.) Tselinny Center of Contemporary Culture. (in Russian)
- Bloom, M. (2011). Bombshells: Women and terror. *Gender Issues*, 28(1–2), 1–21. <https://doi.org/10.1007/s12147-011-9098-z>
- Bloom, M., & Lokmanoglu, A. (2023). From pawn to knights: The changing role of women's agency in terrorism. *Studies in Conflict & Terrorism*, 46(4), 399–414. <https://doi.org/10.1080/1057610X.2020.1759263>
- Crenshaw, K. (1989). Demarginalizing the intersection of race and sex: A Black feminist critique of antidiscrimination doctrine, feminist theory and antiracist politics. *University of Chicago Legal Forum*, 1989(1), 139–167. <http://chicagounbound.uchicago.edu/uclf/vol1989/iss1/8/>
- Halid Adib (2010). *Islam posle kommunizma: religija i politika v Central'noj Azii*. [Islam after Communism: Religion and Politics in Central Asia]. New Literary Observer. (in Russian)
- Karin E. (2020) *Operatsiya «Zhusan» Kogo i pochemu vernuli iz Sirii?* [Operation Zhusan: Who Was Brought Back from Syria and Why?] Monograph. Print House Gerona. (in Russian)
- Kazakhstan Today (2021) *Vernuvshuyusya iz Sirii Kazakhstanku prigovorili k 5 godam lisheniya svobody* [Returners from Syria judged for five years] [<https://www.zakon.kz/obshestvo/5070024-vernuvshiesya-iz-sirii-zhenshchiny.html?ysclid=lop95f8txm243434977>] (in Russian)
- Lahoud, N. (2018). *Empowerment or subjugation: An analysis of ISIL's gendered messaging*. UN Women.
- Mironova, V. (2019). *From freedom fighters to jihadists: Human resources of non-state armed groups*. Oxford University Press.
- Mirza, R. (2018). *Canadian women in ISIS: Deradicalization and reintegration for returnees* (Master's thesis, University of Ottawa). University of Ottawa. <https://ruor.uottawa.ca/handle/10393/38238>

- Nur.kz (2019) «Zhenshhiny vyhodili zamuzh po 19 raz»: kazhstanka rasskazala, kak popala v Siriju [Women married 19 times]: a Kazakh woman told how she got to Syria] <https://www.nur.kz/incident/crime/1793656-zensiny-vyvodili-zamuz-po-19-raz-kakazhstanka-rasskazala-kak-popala-v-siriu/> (in Russian)
- Persin, A. (2015). Fatal attraction: Western Muslimas and ISIS. *Perspectives on Terrorism*, 9(3), 21–38.
- Rajan, J. V. (2011). *Women suicide bombers: Narratives of violence*. Routledge.
- Roy O. (2018) *Globalizirovannyj islam: v poiskah novoj ummy* [Globalized Islam: A Search of a New Ummah]. Mardjani Foundation. (in Russian)
- Sabdin A. (2020) *Teologicheskie narrativy deradikalizacii*. Metodicheskoe posobie [Theological Narratives of Deradikalization] Methodological Manual. Bsquared LLP. (in Russian)
- Saltman, E. M., & Smith, M. (2015). *Till martyrdom do us part: Gender and the ISIS phenomenon*. Institute for Strategic Dialogue.
- Shapoval Ju., Bekmaganbetova M. (2021) Hidzra v «Islamskoe gosudarstvo» cherez prizmu zhenskih narrativov: kejs Kazahstana [The Hijra to the ‘Islamic State’ through the Lens of Women’s Narratives: The Case of Kazakhstan]. *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*, 39(3), 289–315 DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2021-39-3-289-315>. (in Russian)
- Sharipova, D., & Beissembayev, S. (2021). Causes of violent extremism in Central Asia: The case of Kazakhstan. *Studies in Conflict & Terrorism. Advance online publication*, 46(9), 1702–1724. <https://doi.org/10.1080/1057610X.2021.1872163>
- Soliev, N. (2021). Tracing the fate of Central Asian fighters in Syria: Remainers, repatriates, returnees, and relocators. *Perspectives on Terrorism*, 15(4), 125–140. https://www.researchgate.net/publication/354178157_T
- Sultangaliyeva A. (2012) «Vozvrashhenie islama» v Kazahstan [The ‘Return of Islam’ to Kazakhstan]. Altynbek Sarsenbauly Foundation. (in Russian)
- Tlostanova M. (2020) *Dekolonial’nost’ bytiya, znanija i oshhushheniya* [Decoloniality of Being, Knowledge, and Perception]. Collected Articles. Tselinny Center of Contemporary Culture. (in Russian)
- Tucker, N. (2019). *Terrorism without a God: Reconsidering radicalization and counter-radicalization models in Central Asia* (CAP Paper No. 225). Institute for European, Russian, and Eurasian Studies, The George Washington University. <https://centralasiaprogram.org/terrorism-god-reconsidering-radicalization-counter-radicalization-models-central-asia>
- Vremja (2022). Bolee 700 grazhdan Kazahtana vozvrashheny iz «gorjachih tocek» [More than 700 citizens of Kazakhstan returned from “hot spots”] <https://time.kz/news/politics/2022/09/16/bole-700-grazhdan-kazahstana-vozvrashheny-iz-goryachih-tocek?ysclid=luf2ztzokr172653731> (in Russian)
- Winter, C., & Margolin, D. (2017). The mujahidat dilemma: Female combatants and the Islamic State. *CTC Sentinel*, 10(7). <https://ctc.westpoint.edu/the-mujahidat-dilemma-female-combatants-and-the-islamic-state/>
- Zakon.kz (2021). *Reabilitacija vozvrashhennyh iz zon boevyh dejstvij grazhdan idet uspeshno* [The Rehabilitation of Repatriated Persons is Proceeding Successfully] <https://www.zakon.kz/5085492-reabilitatsiya-vozvrashchennyh-iz-zon.html> (in Russian)

Сведения об авторах

Мухатаева Гульнара Исахановна (автор-корреспондент) – PhD докторант кафедры политологии и политических технологии факультета философии и политологии Казахского национального университета имени аль-Фараби, Алматы, Казахстан, e-mail: gmukhataeva@inbox.ru.

Сарсембаев Руслан Меиржанович – PhD, старший преподаватель кафедры религиоведения и культурологии факультета философии и политологии Казахского национального университета имени аль-Фараби, Алматы, Казахстан, e-mail: rus_tk007@mail.ru.

Авторлар туралы мәлімет

Мұхатаева Гүлнар Исаханқызы (корреспондент автор) – әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті философия және саясаттану факультеті саясаттану және саяси технологиялар кафедрасының PhD докторанты, Алматы, Қазақстан, e-mail: gmukhataeva@inbox.ru.

Сәрсембаев Руслан Мейіржанұлы – PhD, әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті философия және саясаттану факультеті дінтану және мәдениеттану кафедрасының аға оқытушысы, Алматы, Қазақстан, e-mail: rus_tk007@mail.ru.

Information about the authors

Mukhatayeva, Gulnara Issakhanovkyzy (corresponding author) – PhD student of the Department of Political Sciences and Political Technologies of the Faculty of Philosophy and Political Science, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan, e-mail: gmukhataeva@inbox.ru.

Sarsembayev Ruslan Meyirzhanuly (corresponding author) – PhD, Senior Lecturer at the Department of Religious Studies and Cultural Studies, Faculty of Philosophy and Political Science, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan, e-mail: rus_tk007@mail.ru.

Зарегистрировано 3 апреля 2025 года
Принято 20 июня 2026 года